

УДК 82(091)

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДНЕВНИК А.В. ЖИГУЛИНА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

© Владимир Васильевич КОЛОБОВ

Воронежский государственный университет, г. Воронеж,
Российская Федерация, кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры связей с общественностью,
e-mail: vvkolobov2015@yandex.ru

Рассмотрена закономерная связь пространственно-временных координат в дневнике выдающегося поэта и прозаика, бывшего узника сталинских лагерей, уроженца Воронежского края А.В. Жигулина (1930–2000). Уточняется периодизация творческого пути писателя, выявляются особенности хронотопа в его дневниковых книжках, которые он начал вести в 1954 г., еще находясь в местах лишения свободы как «враг народа». Определены основные темы повествования (собственное творчество, литературный процесс в целом, события в стране и мире, личная и семейная жизнь). Подчеркивается уникальный характер, культурно-историческая ценность труда известного писателя. Записные книжки и рабочие тетради А.В. Жигулина, поступившие в 2011–2013 гг. на постоянное хранение вместе с другими материалами писательского архива в Воронежский литературный музей им. И.С. Никитина, открывают новые, ранее неизвестные страницы его жизни и творчества, вносят дополнительные штрихи в историю отечественной журналистики и литературы. Писательский дневник А.В. Жигулина объективно и закономерно отражает отношение демократической части советской интеллигенции к общественно-политическим и социально-культурным процессам, которые происходили в нашей стране во второй половине XX в. Сделан вывод о целесообразности подготовки научного издания данного литературно-исторического документа с соответствующими комментариями специалистов.

Ключевые слова: А.В. Жигулин; дневник; хронотоп; история отечественной журналистики и литературы.

Писательский дневник А.В. Жигулина [1] – уникальное явление в духовной и культурной жизни общества советского и постсоветского периода. Как и дневники других русских писателей, например, Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.П. Чехова, А.А. Блока, В.Я. Брюсова, И.А. Бунина, А.Т. Твардовского, жигулинский дневник отражает конкретное время, дает богатейшее представление о развитии личности автора, его социально-политических, философских и художественно-эстетических взглядах, отношении к различным событиям в стране и мире. То есть, по определению М.М. Бахтина, представляет собой одну из основных форм хронотопа – изображение (отражение) времени и пространства в художественном произведении в их единстве, взаимосвязи и взаимовлиянии [2, с. 234-407].

Очень важным обстоятельством является то, что события в дневнике описываются не беспристрастным хронистом, а профессиональным писателем, мастером слова, активным участником литературного процесса. И с этой точки зрения труд А.В. Жигулина имеет огромную культурно-историческую и литературно-эстетическую ценность.

Невольно вспоминаются слова М.Ю. Лермонтова о том, что «история души человеческой <...> едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление» (предисловие к «Журналу Печорина») [3, с. 339].

Судьбу Анатолия Владимировича Жигулина с полным основанием можно назвать счастливой и одновременно драматичной, полной невзгод и лишений [4]. Он родился 1 января 1930 г. в Воронеже в семье служащих. Стихи начал писать, еще учась в школе. Первые публикации в местной прессе появились весной 1949 г. В сентябре 1949 г. студент первого курса Воронежского лесотехнического института А.В. Жигулин был арестован и объявлен «врагом народа» за участие в подпольной антисталинской организации Коммунистическая партия молодежи (КПМ). Пройдя тюрьмы и лагеря, перенеся тяжелейшие испытания, чудом выжив на урановых рудниках, он сумел сохранить в себе человеческое достоинство, талант, веру

в добро и справедливость, реализовать свои юношеские мечты в творчестве.

В 1959 г. в Воронеже вышел в свет первый сборник его стихов «Огни моего города». В марте 1962 г. А.В. Жигулин был принят в Союз писателей СССР. В 1963 г. вышел в свет его первый «московский» сборник стихов – «Рельсы», который собрал множество положительных отзывов критики. В том же году А.В. Жигулин поступает на Высшие литературные курсы Союза писателей СССР и переезжает на постоянное место жительства в Москву. При этом Воронеж навсегда остался для него духовной и физической колыбелью.

В середине 1970-х гг. в литературной критике об А.В. Жигулине сложилось устойчивое представление как о большом советском поэте, ярком выразителе «трудной темы» [5, с. 136-143]. Творчество А.В. Жигулина было востребовано не только в России. Его стихи были переведены на английский, французский, немецкий, японский, болгарский, венгерский, испанский, китайский, польский и другие языки мира.

Среди основных поэтических сборников А.В. Жигулина – «Огни моего города» (1959), «Костер-человек» (1961), «Рельсы» (1963), «Память» (1964), «Полярные цветы» (1966), «Прозрачные дни» (1970), «Полынный ветер» (1975), «Горящая береста» (1977), «Соловецкая чайка» (1979), «Калина красная – калина черная» (1979), «Жизнь, нечаянная радость» (1980), «Воронеж, Родина, Любовь» (1982), «Из разных лет, из разных далей» (1986), «Весеннее имя» (1987), «Белый лебедь» (1988), «Летающие дни» (1989).

Главной книгой своей жизни А.В. Жигулин считал автобиографическую повесть «Черные камни» (1988), в которой он поведал о своей «сибирско-колымской одиссее».

Как свидетельствуют дневники, еще в «застойные» годы поэт прочитал официально опубликованные и самиздатские произведения А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова и был поражен их глубиной и художественной мощью. Естественно, он не мог пройти мимо жизненного и философского опыта Ф.М. Достоевского, которому тоже пришлось четыре года провести «во глубине сибирских руд». Корни «лагерной» прозы уходили вглубь русской истории – в XVII в., к страстной исповеди протопопа Аввакума, который описал

все ужасы заключения (холод и голод, унижения и оскорбления, смерть и болезни, падение нравов) и торжество несломленного духа. И еще дальше – к переписке царя Ивана Грозного с первым русским «диссидентом» князем Андреем Курбским, к «Слову о полку Игореве» и «Повести временных лет».

Тюрьма, каторга, плен, ссылка на протяжении многих веков сопутствовали жизни многострадального русского народа. Не случайно в русском языке немало пословиц и поговорок на эту тему: от сумы и от тюрьмы не зарекайся; в тюрьму двери широки, а обратно узки; пошел к куме, да засел в тюрьме; кому тюрьма, а кому дом родной; тюрьма по ком-то плачет и т. д.

Попав в Сибирь, а затем на Колыму, А.В. Жигулин стал заинтересованно изучать лагерный фольклор: блатные (а по-существу, народные) песни, анекдоты, шутки, «переводы» отдельных слов, произнесенных на «фене». «Сколько слов, каких ни у Даля и нигде не найдешь!» – искренне восторгался он впоследствии, стараясь восстановить по памяти услышанное и увиденное «по ту сторону колючки».

Сразу после освобождения А.В. Жигулин, по собственным словам, «не умевший толком писать ни стихи, ни прозу», с присущей ему аккуратностью и вниманием к деталям зафиксировал в дневнике воспоминания о наиболее важных событиях своей жизни.

Спустя 30 лет эти записи очень пригодились ему в работе над «Черными камнями». Изданная многомиллионным тиражом в нашей стране и за рубежом, повесть А.В. Жигулина стоит в одном ряду с такими широко известными произведениями, как «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова, «Дети Арбата» А.Н. Рыбакова, «Жизнь и судьба» В.С. Гроссмана, «Новое назначение» А.А. Бека, «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург, «Московская сага» В.П. Аксенова, рассказывает нелегкую правду о трагической истории страны, и в этом плане является убедительным «документом», свидетельствующим о страшных преступлениях тоталитарного сталинского режима.

Не случайно поэт Е.А. Евтушенко назвал эту повесть «неоценимым свидетельством на суде истории», а воронежский писатель Г.Н. Троепольский взволнованно признавал-

ся автору: «Ты написал не просто воспоминания, а кровью сердца окропленные строки. В нашей литературе этого «жанра» не было. Теперь же он пробивается сквозь кору потрескавшейся за много лет почвы, на которой буйно росли бурьяны-романы и стихов пырей ползучий...» [6].

Другой земляк А.В. Жигулина – писатель Э.И. Пашнев – писал: «Толя, ты заполнил пустую социальную нишу эпохи. Ты реабилитировал поколение, которое считалось рабским и безъязычным. Москва, июль 1988 года» [6].

Эпистолярное наследие А.В. Жигулина, которое только сейчас становится доступным исследователям его творчества, поражает глубиной, уникальностью и объемом эмпирического материала. Это сотни дневниковых книжек и рабочих тетрадей, тысячи читательских писем и писем самого поэта различным адресатам.

Анатолию Владимировичу Жигулину, как и многим выдающимся писателям XX в., еще с юности было свойственно чувство собственной значимости в литературном мире. Вести дневник на постоянной основе он начал, еще находясь в местах лишения свободы, как только это стало возможным.

«Писать в небольших записных книжках Анатолий начал с 1954 г., когда его привезли с Колымы в один из воронежских лагерей в связи с пересмотром дела молодежной антисталинской организации, – вспоминала И.В. Жигулина, супруга и верный друг поэта. – Первые две записные книжки (№ 1 и № 2) написаны карандашом. Первая книжка почти вся посвящена поэзии. Он восстанавливает первые строчки стихов, написанных в тюрьме во время долгого следствия 1949–1950 гг., в лагере (без объяснения, что это за строчки). Тексты из осторожности не записывались. Он жадно пытается писать новые стихи, делает вольные переводы из Горация, размышляет о поэзии, о жизни, но ни слова – о лагерном прошлом...»

...Записная книжка № 2 – как пульсирующее обнаженное сердце. Он уже откровенно пишет о своих мучительных ощущениях, сомнениях. Делает записи о Колыме, о военном детстве... 21 июля начспецчасти сообщает, что завтра – освобождение. 22 июля Жигулин с двумя товарищами вышел за ворота лагеря – закончился еще один тяжкий

отрезок жизни. Закончена записная книжка № 2» [7].

А вот как об этом рассказывает сам автор: «7 апреля 1969 года, понедельник. Нынче исполнилось 15 лет моему дневнику. Начал я его еще в заключении. Правда, к сожалению, не в Сибири и не на Колыме, а в Воронеже, куда меня (да и нас всех) привезли на переследствие. В родном городе, за высокой кирпичной стеной 020-й колонии, которая примыкает к знаменитой воронежской городской тюрьме, и начал я эти записи, этот дневник. А в сибирских и колымских лагерях любые записи строго были запрещены. Местный воронежский лагерь после Колымы казался раем: ни номеров нет на спинах; ни злых собак, ни лютых конвоиров. Почти воля. Тем более, что видны были трамваи, бегущие по мосту у Заставы. Мы ждали нового решения по нашему делу. Две первые дневниковые книжки содержат очень осторожные, туманные записи. Ведь и на 020-й дневники тоже были запрещены. Существовала особая статья в УК РСФСР, предусматривающая наказание за разглашение сведений о местах заключения. Но я все-таки начал тайно вести дневник. Он уцелел только потому, что в день освобождения, 22 июля 1954 года, нас перед выходом за ворота обыскали формально, на скорую руку...».

По свидетельству современников, А.В. Жигулин и в жизни, и в творчестве был очень аккуратным, можно даже сказать, педантичным человеком. Это его качество проявилось и в процессе ведения дневника. На титульном листе каждой тетради или блокнота каллиграфическим почерком автора сделана надпись: «Дневниковая книжка номер... Начата... Окончена... Принадлежит поэту, члену Союза писателей СССР... В случае нахождения утерянной книжки-тетради просьба сообщить, возвратить. Дом. телефон... Адрес...».

Литературный критик Ал. Горловский рассказал о том, как однажды он попросил поэта подарить ему черновик какого-нибудь стихотворения. А.В. Жигулин распахнул дверцы книжного шкафа, стоящего за его спиной, и критик увидел плотно прижатые одна к другой тетради и записные книжки.

«Не десятки – сотни штук, – вспоминал Ал. Горловский. – Последняя имела порядковый номер, кажется, 516. В этих тетрадях и

были черновики Жигулина, черновики, в которых отразился весь процесс работы над стихотворением... И стала понятной цена той кажущейся легкости и простоты жигулинских стихов, когда каждое стихотворение словно бы написалось или вылилось сразу» [8].

В дневнике А.В. Жигулин чаще всего выступает в роли субъекта и объекта повествования одновременно, записывая по свежим следам свои наблюдения и впечатления. В тех случаях, когда он не мог быть в центре того или иного события в силу его пространственной или временной удаленности, он использует метод реконструкции.

Приведем еще несколько записей, свидетельствующих о том, какое важное значение автор придавал своему дневнику.

«11 апреля 1965 года, воскресенье.

<...> Решил продолжить дневник, чтобы как можно больше сохранить жизненного материала, который так нелепо и быстро утекает, как вода между пальцами. Я не ценил его. А ведь все это очень нужно для работы, все-все, буквально, вся жизнь! Надо внимательнее наблюдать жизнь и людей, и записывать все, ежедневно, неутомимо».

«29 мая 1967 года, понедельник.

Эту новую записную книжку-дневник начинаю утром сего дня в вагоне метро. Еду на работу, опаздываю (с 21 марта по 1 августа 1967 г. А.В. Жигулин работал в редакции «Литературной газеты». – В. К.). В последние дни снова решил перейти к дневниковым книжкам малого формата. Они удобнее, чем большие тетради – можно носить с собою, можно писать, как сейчас в метро, не тратя драгоценного времени. <...> Большие и малые дневниковые книжки будут идти, как и раньше, параллельно. Авось историки разберутся в хронологии, хотя, впрочем, вряд ли это понадобится. Если буду жить до 90 лет, как Эренбург, сотни этих книжек (я прибавляю сюда лагерные записи, рабочие тетради, словари «фени» и прочее), конечно, пригодятся».

«14 сентября 1968 года, суббота.

<...> Читая старые дневники, убедился в их несовершенстве. Краткие записи порой не вызывают никаких воспоминаний. Что может, например, сказать такая запись: «беседовал с Батуевым» (*Батуев В.В. – друг и соратник А.В. Жигулина по «делу КПМ». – В. К.*). Да я с ним миллион раз беседовал! А о

содержании бесед теперь можно только догадываться. Но – увы! – всего не опишешь и все не запишешь при всем желании».

Содержание дневника А.В. Жигулина, как и его творчество, можно условно разделить на четыре периода. Стоит отметить, что в целом мы согласны с периодизацией литературной деятельности А.В. Жигулина, предложенной Г.В. Марфиным:

1 период: становление героя в процессе испытаний и познания жизни (конец 1950-х – середина 1960-х гг.);

2 период: обретение устойчивости в пространстве и времени (середина 1960-х – 1970-е гг.);

3 период: поиск устойчивости в пространстве истории (1980-е гг.);

4 период: утрата найденной гармонии (1990-е гг.) [9].

Вместе с тем, мы считаем, что предложенная структура периодизации (особенно первого и второго периодов) нуждается в определенной корректировке [10, с. 95-98.].

Основными темами дневника А.В. Жигулина с 1954 по 2000 г. являются: собственное творчество (от замысла поэтических или прозаических произведений – до их практического воплощения), литературный процесс в целом, общественно-политические, социальные и культурные события в стране и мире, личная (семейная) жизнь.

Как показывает анализ, основная часть текста в дневнике А.В. Жигулина посвящена первой и второй темам. Однако большое внимание автор уделяет третьей и четвертой темам.

Ниже представлен далеко не полный перечень упоминаемых событий, фактов, фамилий известных политиков и деятелей культуры:

– вторая половина 1950-х гг. – завершение сталинского периода, XX съезд КПСС, начало хрущевской «оттепели», кампания по освоению целины, И.В. Сталин, Л.П. Берия, Н.С. Хрущев;

– в 1960-е гг. – полет Ю.А. Гагарина в космос; война во Вьетнаме; «Пражская весна» в Чехословакии (1968); забастовка рабочих в г. Новочеркасск Ростовской области 1–2 июня 1962 г.; Н.С. Хрущев, В.М. Молотов, Л.И. Брежнев;

– в 1970-е гг. – период застоя, полеты космических кораблей «Союз» (СССР) и

«Аполлон» (США); кино – «17 мгновений весны» (режиссер Т.М. Лиознова), «Бег» (режиссеры А.А. Алов и В.Н. Наумов), «Ирония судьбы, или С легким паром!» (режиссер Э.А. Рязанов); Л.И. Брежнев, А.Д. Сахаров, Ричард Никсон, Джимми Картер, Мао Цзэдун, Индира Ганди, Фидель Кастро;

– в 1980-е гг. – пик периода застоя, Афганская война (1979–1989), авария на Чернобыльской АЭС (1986), падение коммунистических правительств в Восточной Европе (1989–1991), профсоюз Солидарность в Польше (1980), революции в Чехословакии, Румынии, Венгрии (1989), падение Берлинской стены (1989), политика жесткой экономики, перестройка, антиалкогольная кампания в СССР (1985–1988); Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, М.С. Горбачев, Рональд Рейган, Джордж Буш, Маргарет Тетчер, В.В. Высоцкий;

– в 1990-е гг. – объединение Германии (1990), распад Советского Союза и создание СНГ (1991), завершение «холодной» войны (1991), выборы Президента РСФСР 12 июня 1991 г., попытка государственного переворота в СССР 19 августа 1991 г., либерализация цен, начало радикальных экономических реформ (январь 1992 г.), Первая и Вторая чеченские войны, экономический кризис (август 1998 г.); М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, А.Д. Сахаров, В.С. Черномырдин, Е.Т. Гайдар, Г.А. Зюганов, А.И. Лебедь.

Не вызывает удивления тот факт, что в молодости А.В. Жигулин в дневнике уделял большое внимание личной жизни, в зрелые годы – творческому процессу (сочинение стихов, хождения по редакциям газет и журналов, издание книг), а в 1990-е гг. – общеполитическим, экономическим и глобальным мировым проблемам. По дневнику поэта можно получить объективное представление об отношении демократической части советской интеллигенции к горбачевской перестройке, распаду СССР, созданию СНГ и другим неоднозначным событиям конца XX в.

В последние годы, несмотря на резкое ухудшение здоровья, А.В. Жигулин не оставил надежды написать мемуары о прожитой жизни, о своей судьбе, о современниках. Он все чаще обращался к своим дневникам, письмам и рабочим тетрадям, перечитывал их, делал новые записи. Он уже обдумывал

контуры новой книги, которая в случае реализации замысла, безусловно, была бы не менее значимой и интересной, чем «Черные камни». Но, к сожалению, этим планам не суждено было сбыться.

А.В. Жигулин умер 6 августа 2000 г. после тяжелой и продолжительной болезни. Похоронен на Троекуровском кладбище столицы.

В дни траура телеграмму с соболезнованиями вдове и сыну писателя прислал президент России В.В. Путин: «Анатолий Владимирович был человеком с непростой, драматичной судьбой. Но никакие тяготы и лишения не смогли сломить его творческую волю. Он стал одним из первых литераторов, открыто рассказавших страшную, но такую необходимую правду о недавнем прошлом нашей страны. Память об Анатолии Владимировиче навсегда остается в сердцах благодарных читателей, коллег, друзей».

Память об Анатолии Владимировиче Жигулине жива на его малой родине. Его именем названы одна из городских улиц и библиотека семейного чтения № 9 на левом берегу Воронежа. На доме по улице Студенческая, 32, где он когда-то жил, открыта мемориальная доска. В год 85-летия поэта комиссия по культурному наследию при администрации городского округа город Воронеж приняла принципиальное решение об установке памятника А.В. Жигулину в областном центре (осталось найти финансовые средства на эти цели), прошли Жигулинские чтения, в областном литературном музее им. И.С. Никитина, где теперь хранится писательский архив, состоялось открытие выставки, посвященной знаменитому поэту-земляку.

Учитывая масштаб личности и таланта А.В. Жигулина, его вклад в отечественную культуру, было бы целесообразно, на наш взгляд, в ближайшие годы начать подготовку научного издания его писательского дневника. По нашему мнению, реализация этого проекта могла бы стать заметным явлением не только в литературоведении, но и в духовной жизни нашей страны.

1. *Жигулин А.В.* Материалы писательского архива (дневники, рабочие тетради, письма) // Фонд Воронежского областного литературного музея им. И.С. Никитина.

2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
 3. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. Проза. Письма. Москва; Ленинград, 1962.
 4. *Колобов В.В.* Жигулинский век. Документальная повесть. Воронеж, 2011.
 5. *Акаткин В.* У поэта есть судьба: К 50-летию А. Жигулина // Подъем. 1980. № 3.
 6. *Огрызко В.* «Трудная тема, а надо писать». Анатолий Жигулин размышляет над читательской почтой // Книжное обозрение. 1988. 18 ноября.
 7. *Жигулина И.* Золотое злое время, я любил тебя всегда... // Литературная газета. 2000. 31 декабря.
 8. *Горловский Ал.* Поэзии горящая свеча // Вопросы литературы. 1983. № 12.
 9. *Марфин Г.В.* Человек и мир в лирике А. Жигулина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
 10. *Колобов В.В.* К вопросу о периодизации творчества Анатолия Жигулина // Коммуникация в современном мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации» / под общ. ред. В.В. Тулупова. Воронеж, 2012.
-
1. *Zhigulin A.V.* Materialy pisatel'skogo arkhiva (dnevniki, rabochie tetradi, pis'ma). Fond Voronezhskogo oblastnogo literaturnogo muzeya im. I.S. Nikitina.
 2. *Bakhtin M.M.* Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike // Voprosy literatury i estetiki. M., 1975.
 3. *Lermontov M.Yu.* Sbranie sochineniy: v 4 t. T. 4. Proza. Pis'ma. Moskva; Leningrad, 1962.
 4. *Kolobov V.V.* Zhigulinskiy vek. Dokumental'naya povest'. Voronezh, 2011.
 5. *Akatkin V.* U poeta est' sud'ba: K 50-letiyu A. Zhigulina // Pod'em. 1980. № 3.
 6. *Ogryzko V.* "Trudnaya tema, a nado pisat'". Anatoliy Zhigulin razmyshlyaet nad chitatel'skoy pochtoy // Knizhnoe obozrenie. 1988. 18 noyabrya.
 7. *Zhigulina I.* Zolotoe zloe vremya, ya lyubil tebya vseгда... // Literaturnaya gazeta. 2000. 31 dekabrya.
 8. *Gorlovskiy Al.* Poezii goryashchaya svecha // Voprosy literatury. 1983. № 12.
 9. *Marfin G.V.* Chelovek i mir v lirike A. Zhigulina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2003.
 10. *Kolobov V.V.* K voprosu o periodizatsii tvorchestva Anatoliya Zhigulina // Kommunikatsiya v sovremennom mire: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Problemy massovoy kommunikatsii" / pod obshch. red. V.V. Tulupova. Voronezh, 2012.

Поступила в редакцию 04.12.2015 г.

UDC 82(091)

A.V. ZHIGULIN'S WRITER DIARY IN HISTORICAL AND LITERARY CONTEXT

Vladimir Vasilyevich KOLOBOV, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, Candidate of Philology, Lecturer of Public Relations Department, e-mail: vvkolobov2015@yandex.ru

The natural connection of space-time coordinates in the diary of the eminent poet and writer, former prisoner of Stalinist camps, the native of the Voronezh region A.V. Zhigulin (1930–2000) are examined. Periodization of writer's creative path is specified, the features of the chronotope in his diary, the books that he started in 1954, while still being in prison as an "enemy of the people" are identified. The main themes of the narrative (his own work, a literary process as a whole, the events in the country and the world, personal and family life) are identified. The unique nature, cultural and historical value of famous writer's works are emphasized. Notebooks and workbooks of A.V. Zhigulin, received in 2011–2013 for permanent storage together with other materials from writer's archive in the Voronezh literary Museum of I.S. Nikitin, and open up new, previously unknown pages of his life and work, extra touches to the history of Russian journalism and literature are made. A.V. Zhigulin's writer diary objectively and naturally reflects the attitude of the democratic part of the Soviet intelligentsia to the socio-political and socio-cultural processes that occurred in our country in the second half of XX century. The conclusion is made on preparation expediency of literary and historic document with commentaries of specialists.

Key words: A.V. Zhigulin; diary; chronotope; history of Russian journalism and literature.